

Феофан Прокопович

СЛОВО НА ПОГРЕБЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Краткая повесть о смерти Петра Великого

Знаменитая речь Феофана Прокоповича «Слово на погребение Петра Великого» была произнесена им над гробом первого российского императора 10 марта 1725 года. Это как бы последнее из зеркал, в котором мы видим отражение Петра: он уже мертв и отправляется в свой последний путь. Речь Феофана для современного читателя — чтение не из легких, но нужно набраться терпения и вникнуть в ее смысл, почувствовать изящество ее формы — перед нами подлинный шедевр ораторского искусства XVIII века.

Проповеди и речи с амвона церкви были известны и ранее, но лишь при Петре они стали событием не только церковной, но и светской жизни. Их стали активно использовать для пропаганды светских достижений царя-реформатора, для воспевания воинских побед русского оружия. Произнесенные в присутствии сотен верующих, обязанных приходить в церковь и в большинстве своем неграмотных, речи и проповеди служили, в сущности, единственным доступным передатчиком и источником официальной информации, препарированной в необходимом для властей ключе. При этом нужно помнить, что живое, доходчивое, звучное слово, сказанное опытным, умным, образованным проповедником, обученным этому делу по античным законам элоквенции — ораторского искусства — с хорошо поставленным голосом, точным жестом, искренней интонацией, с учетом всех необходимых нюансов — обстановки, времени, темы — слово это производило колоссальное впечатление на слушателей.

Феофана знали и ценили как оратора. Он произнес множество торжественных речей по разным поводам, а их победоносное царствование Петра давало немало. И вот он снова выходит перед огромной массой людей, но говорит уже траурную, прощальную речь о Петре. Она подчеркнута коротка и проста — не время

в скорбный час упражняться в эловкенции, не время цитировать труды святых отцов церкви и Священное писание и «растекаться мыслью по древу» — нужно сказать самое главное, затронуть самые тонкие струны души каждого стоящего в скорбной толпе человека. И Феофан делает это умело.

Учитывая, что Петр умер больше месяца назад и к этому печальному факту люди начали привыкать, он призывает их оглянуться, очнуться, осознать ЧТО свершается в это мгновение, понять, что это не сон, не видение, а суровая воля Бога, призвавшего смертного на свой суд. Нельзя забывать, что жизнь большинства присутствующих на панихиде в основном прошла при царствовании Петра (средняя продолжительность жизни людей XVIII века — чуть больше тридцати лет, а Петр был на престоле тридцать пять — да еще каких! — лет). И вот внезапный, трагический конец. Думаю, что голос Феофана в этот момент речи тонул в плаче и стенаниях слушателей — людей более эмоциональных, чем последующие поколения.

Посмотрим, говорит оратор, кем был для нас Петр Великий, оценим его роль для России. Он был ее непобедимым Самсоном, разорвавшим пасть шведскому льву, мужественным мореплавателем Иафетом, пустившим в плавание русский флот и заставившим уважать новый трехцветный флаг России. Он был ее законодателем, как Моисей, и столь же мудрым и справедливым судьей, как библейский Соломон. Наконец, он, как Константин — византийский император, — дал новое устройство ее церкви. Но и в этих сравнениях Феофан знает меру — нет привычных айтичных аналогий с Александром Македонским или Цезарем. Образ задан — и достаточно: «простираги речи не допускает настоящая печаль и жалость».

Далее следует поворот — и речь достигает апогея. Феофан проводит ту мысль, что жизнь, тем не менее, идет, глубокое горе не может быть вечным, оно противоречит живому, которое должно жить дальше. И он — великий покойник — все и делал ради жизни и славы России. Оглянитесь, россияне, призывает Феофан, вокруг — построенный его гением город, стоят ипалерами доблестные полки его победоносной армии, сойдет лед — и в Неву войдут прекрасные корабли, построенные его руками, — все это «при нас есть», «убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам». Иначе говоря: «Он умер, но дело его будет жить вечно».

И на этой эмоциональной волне Феофан произносит слово похвалы, повернувшись к стоящей у гроба вдове — Екатерине. Вероятно, в другое время и в другом месте слова о том, что «женская плоть не мешает тебе быти подобной Петру Великому», вызвали бы чью-то ухмылку (о чем есть немало дел Тайной канцелярии),

но сейчас это звучит к месту, ибо как бы предполагается, что после смерти Петра к его самому близкому человеку перешли не только корона, престол, поклонение подданных, но и ум и энергия великого преобразователя. В этом — также призыв к Екатерине быть достойной Петра и своего царственного жребия. Этот призыв тонко связан с человеческим сочувствием к этой женщине, которая должна превозмочь боль двойной утраты — все видят возле гроба Петра маленький гробик с телом умершей 4 марта их дочери — шестилетней Наталии.

Кончается речь традиционным и естественным призывом ко всем без различия сословиям еще теснее сплотиться вокруг трона, чтобы хоть в какой-то мере восполнить великую потерю. Перечисляя в самом общем виде членов осиротевшей царской семьи, Феофан называет степени их родства к Петру: «дщери, внуки, племянники». Такая последовательность не случайна: «дщери» — это понятно — возле матери стоят две красавицы-дочери, Анна и Елизавета. «Внуки» же — это дети проклятого и казненного Петром сына царевича Алексея — Петр Алексеевич (будущий император Петр II) и его сестра Наталия. «Племянницы» — это дети старшего брата Петра, Ивана, — Анна (будущая императрица Анна Ивановна), Екатерина и Прасковья. Зная Феофана, предположим, что все эти персоны упомянуты намеренно — кто знает, что будет завтра, а Феофан всегда думает о завтрашнем (своем — в первую очередь) дне.

В этом — весь Феофан — ловкий царедворец, человек с гибкими принципами, которые он может изменить, как только этого потребует момент. Его не любят в церковной иерархии, он — чужак, он был слишком близок к Петру, делавшему с церковью то, чего не позволял себе ни один русский царь.

Все помнят, как появился он в окружении Петра. Выпускник Киево-Могилянской академии — крупнейшего интеллектуального центра Украины, много бывавший в Польше и Ватикане, он в 1716 году по зову Петра переехал в Россию, заняв скромное, на первый взгляд, место архиепископа псковского. Слух связывает его возвышение с удачной речью, которую он произнес в Киеве в присутствии Петра — победителя шведов под Полтавой. Ум, эрудиция, прекрасное знание западной церкви и чрезвычайная услужливость таланта, готового сделать то, что требует власть, сделали его одним из самых влиятельных людей петровской эпохи. Написанные им трактаты «Слово о власти и чести царской» (1718 г.), «Правда воли монаршей» (1722) стали идейной основой, теорией русского самодержавия, определили на столетия отношения между государством и русской православной церковью, превратив ее в покорную служанку светской власти.

Феофан был вице-президентом нового органа управления церковью — Святейшего Синода, и в «Правде воли монаршей» и других сочинениях он блестяще обосновал необходимость коллегиального управления делами веры. Если бы Петр потребовал от Феофана найти в истории и теологии обоснования единоличной власти патриарха, то Феофан наверняка сделал бы это не менее блестяще и убедительно. Таков был этот человек и иерарх. Он никогда не пошел бы на костер ради своих убеждений, и он был нужен Петру как проводник идей реформ, как теоретик неограниченной самодержавной власти.

После смерти Петра Феофан не оставил своей лекторской, ораторской деятельности. Он произносил дежурные речи на торжествах по случаю юбилеев, рождений, похорон царских персон. Но ни одна из них не может сравниться по силе и красоте со «Словом на погребение Петра». Воодушевленный скорбным вниманием собравшихся на похороны, Феофан понимал величие минуты. Он знал, что провожая надгробным словом гения в его бессмертие, он и сам становится причастен бессмертию.

Позже он написал «Краткую повесть о смерти Петра Великого». В ней нет блеска «Слова», но это — свидетельство очевидца, который был рядом с Петром, исполнял обязанности священника и, обладая живой памятью, все примечал и помнил. Это же он делал и впоследствии. Дальнейшая жизнь его была нелегка — он стремился удержаться на плаву, благодаря своим способностям и уменью угодить очередному правителю. Один из его биографов писал, что Феофан всегда имел дело с Тайной канцелярией — в качестве либо подследственного, либо обвинителя. Был он еще и экспертом политического сыска. Когда Анна Ивановна в 1735 году приказала арестовать регента хора цесаревны Елизаветы Петровны — Петрова — вместе с пьесами, которые ставились в самодельном театрике при дворе полуопальной дочери Петра, то начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков передал все бумаги на экспертизу именно Феофану, а как же иначе — кто у нас главный драматург, кто автор первых русских драм («Владимир» и др.)? Эксперт, который оказался мудрее следователей, ничего крамольного «к чести ея императорского величества» в бумагах Петрова не нашел, хотя там, как показывают сохранившиеся материалы, были намеки на горькую судьбу истинной наследницы престола, притесняемой узурпатором — очевидная аналогия с Елизаветой и Анной. Да и не мог найти там ничего крамольного Феофан — ведь он знал, что и жизнь Анны не бесконечна, и нужно опять думать о завтрашнем дне. И этот день наступил. 25 декабря 1741 года Елизавета взошла на престол, но торжественную речь на восшествие «дщери» Петра — песнь императрице, которая, «как солнце, отогнала тьму зловещей» бироновицны, пел уже

не он, а другой послушный иерарх русской церкви. Сам же Феофан умер 8 сентября 1736 года всего лишь 55 лет от роду (он родился в 1681 году).

«Слово на погребение Петра Великого» публикуется по изданию: Феофан Прокопович. Слова и речи. Ч. 2. СПб., 1763. С. 127—133; «Краткая повесть о смерти Петра Великого» — по отдельному изданию — СПб., 1831.

**Слово на погребение
Всепресветлейшего державнейшего Петра Великого,
императора и самодержца Всероссийского,
Отца Отечества,
проповеданное в царствующем Санкт-Петербурге,
в церкви святых первоверховных Апостол Петра и Павла,
марта 10 дня 1725 года**

Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? Ах, как истинная печаль! Ах, как известное наше злоключение! Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию, и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший, прямой сый Отечества своего Отец, которому по его достоинству добрии российстии сынове бессмертну быти желали; по летам же и составу крепости, многолетно еще жити имущего вси надеялися: противно и желанию и чаянию скончал жизнь, и, о лютой нам язвы! тогда жизнь скончал, когда по трудах, беспокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех, жити нечто начинал. Довольно же видим, коль прогневили мы тебе, о Боже наш! и коль раздражили долготерпение твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего, слеп есть, видяй же и не исповедуяй, в жестокосердии своем окаменен есть. Но что нам умножати жалости и сирдоболия, которые утоляти, елико возможно, подобает. Как же то и возможно? Понеже есть ли великие его таланты, действия и дела воспомянем, еще вящие утратою толикого добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистину толь печальной траты разве бы летаргом неким, неким смертообразным сном забыти нам возможно. Кого бо мы, и какового, и коликого лишились?

Се оный твой Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе могл явиться, никто в мире не надеялся, а о явшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую, и сделал по имени своему каменную, адамантову: застал воинство в дому вредное,

в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагам страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил, и новых провинций приобретением умножил. Когда же восстающие на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи, и заградив уста зависти, славная проповедати о себе всеми миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное: новый в свете флот, но и старым неуступающий, как над чаяние, так выше удивления вся селенная, и отверзе тебе путь во все концы земли, и простре силу и славу твою до последних Океана, до предел пользы твоея, до предел правдою полагаемых, власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на море крепкую и постоянную сотворил.

Се Моисей твой, о Россие! Не суть ли законы его яко крепкая забрала правды и яко нерешимые оковы злодеяния? Не суть ли уставы его ясные, свет стезям твоим, высокоправительствующий Сигклит, и под ним главные и частные правительства от него учрежденные? Не светила ли суть тебе к поисканию пользы, и ко отражению вреда, к безопасности миролюбных, и ко обличению свирепых? Воистинну оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвалный или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаем, или яко от нераскаянных льстецов и злодеев ненавидим был.

Се твой, Россие, Соломон, приемший от Господа смысл и мудрость многу зело. И недовольно ли о сем свидетельствуют многообразные философские искусства, и его действием показанная, и многим подданным влияющая, и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданские, и честные образы житейского обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила; но и внешний вид и наличие краснопретворенное, яко уже отечество наше, и от внутри и от вне, несравненно от прежних лет лучшее, и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и церкви российская, и Давид и Константин. Его дело, правительство Синодальное, его попечение — пишемая и глаголемая наставления. О коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасенного! Коликая ревности на суеверия, и лестнические притворы, и раскол гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вящего в чине пастырском искусства, прямейшего в народе богомудрия, изряднейшего во всем исправления.

Но о многоименитого мужа! Кратким ли словом обьемем бесчисленные его славы, а простирати речи не допускает настоящая

печаль и жалость, слезити токмо и стенати понуждающая. Негли с временем нечто притупится терн сей, сердца наши бодущий, и тогда пространнее о делах и добродетелях его побеседуем. Хотя и никогда довольно, и по достоинству его воглоголати не можем: а и ныне кратко воспоминающе, и аки бы токмо воскрылий риз его касающаяся, видим слышателие, видим, беднии мы и несчастливи, кто нас оставил, и кого мы лишились.

Не весьма же, россиане, изнемогаем от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет, сделал врагам страшную, страшная и будет, сделал на весь мир славную, славная и быти не престанет. Оставил нам духовные, гражданские и воинские исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам.

Наипаче же в своем в вечная отечестве, не оставил нас сирых. Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его, и подобноправного владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и мать всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быти подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие твое и природою тебе от Бога данное кому неизвестно? А когда обое то утвердилось в тебе и совершилось, не просто сожитием толикого монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, и различных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он имети тебе ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил. Как нам не надеяться, что сделанная от него утвердиши, недоделанная совершиши, и все в добром состоянии удержиши. Токмо о душе мужественная, потщися одолети нестерпимую сию болезнь твою, аще и усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери, и аки жестокая рана новым уязвлением без меры разъярилася. И якова ты от всех видима была в присутствии подвизающегося Петра, во всех его трудах и бедствиях неотступная бывши сообщница, понудися такова же быти и в прегорьком сем лишении.

Вы же, благороднейшее сословие, всякого чина и сана, сынове российстии, верностию и повиновением утешайте государыню и мать вашу, утешайте и самих себе, несумненным познанием Петрова духа в монархине вашей видяще, яко не весь Петр отшел от нас. Прочее припадаем вси Господеву нашему, тако

посетившему нас, да яко Бог щедрот, и отец всякия утехы, ея величеству самодержавшейшей государыни нашей и ея дражайшей крови: дочерям, внукам, племянницам и всей высокой фамилии, отрет сие неутолимые слезы и усладит сердечную горесть благодостынным своим призрением, и всех нас милостивне да утешит.

Но, о Россіе! видя кто и каковый тебе оставил, виждь и какову оставил тебе. Аминь.